

НА ВТОРОЙ

Родился в Череповце. Учился в Свердловске. Окончил Уральский университет факультет журналистики. Бывал во многих городах. Жил в Ленинграде. Живет в памяти и сердцах людей, которые его слышали, и в песнях, которые он оставил.

«На Второй мировой поэзии призван годным и рядовым» — из его автобиографии. Вторая мировая поэзия присвоила ему более высокое звание еще при жизни. Первая, возможно, тоже удостоит. По-смертно.

...ПРИЗНАН ГОДНЫМ И РЯДОВЫМ

Мы познакомились зимой, в январе 1987 года. Я открыла дверь — пришел гость, единственный в семье.

Он пришел без пиджачка (тогда не пел, не хотел, не собирался), в телогрейке и больших вадекамах — было морозно — свежий, разгоряченный, допотопный пах, но казалось, что только что играл в снежки с мальчишками — такие сияющие, радостные и потресканные глаза, словно игру прервали... А что же дальше?

Голос был знаком... Голос, который был необходим — для жизни, голос, в котором была растворена улыбка.

... Длинный свободный коринневый свитер, длинные светлые пряди волос, стаявшиеся, мягкие черты... Внимательные брови, зоркие глаза.

— Что, не таким представляла?

— Да нет, мне рассказывали.

Но — что можно рассказать? Разве можно что-то рассказать... Разве можно увидеть чужими глазами это вот, например, человеческое чудо?

Младенец — орок — безприоритет — калика пережитый — скормок-подросток из рок-тусовки... И много больше, много больше.

Почем я не раз видела его — среди людей. Видела его в толпе, в предконцертной «тусовке», не один, — но — в одиночестве. В нем была определенность. Предрешенность, решенность. Она же — определенность, предрешенность, обреченность. Изначенность.

Он понял бы этот ряд мгновенно, как и понимал всегда. Он понял бы меня сразу. Он слышал корни и мыслил корнями и очень радовался, когда другие это понимали и слышали. Чувство языка у него было абсолютное.

Тогда теклась от метро «Баграионовская» и окружала ДК им. Горького московская рок-лаборатория чествовала лауреатов острелного фестиваля. Я увидела Сашку еще по дороге от метро и... не решилась окликнуть его, пораженная этим иным лицом, иным его состоянием, иной степенью боли. Это была наша вторая встреча. Я окликавала момент разговора, зная, что на концерте, раньше или позже — все равно увижу его.

Так и случилось. У дверей ДК они с Артемом Троимкиным вышли мне навстречу, бошкой — Артем и маленький — Сашка... Их связывала особая дружба, которая во многом определялась нежной заботой Артема, настоящим лубским участием. И в этой скрытой нежности тоже была тревога, особенно зная, что сейчас.

Именно тогда, в тот час, после приветствий и завываний, это страшное, выходящее и произносящее, но еще с надеждой на ответ: «Зачем!» В глазах было страшное напряжение. Он ждал ответа. Я ответила не зная.

...Когда он был в центре внимания — во время домашних концертов и перекрестов — это напряжение вырвалось восторженно и лубковством. Он забывал и забывался мелочами, дулет в папироску, пел по-английски с чудовищным произношением, шутил, смеялся.

Но когда звучали первые аккорды, его аккорды, и все усаживались и затаивались, он — медленно обводя глазами всех присутствующих, вляя в глаза — каждому, бросая аккорд — каждому, сырая — вех...

Звучал ритм, звенели колокольники — а он звал, звал — безмолвно, пока — безмолвно — звал — услышав — соединял физически — вех с собой — пока не наступал момент, когда уже нельзя было быть и жить — отдельно, когда нельзя было повести

глаз и пошевелиться.

Ведь самым главным для него было — чтоб услышали. Самым страшным было — что не слышат. Слушают — и не слышат. Самым страшным, самым большим, самым тяжелым было это. Вель слова его, его каждое слово — было плодом жизни и зерном жизни, и он бросал их — не на ветер, а если и на ветер, то лишь на «мельной ветер верной любви... Тут дело не ново — словить это слово. Ты снова, и снова, и снова — лови...»

Он очень хотел, чтоб его понимали.

Кем он считал себя? Это очень сложный вопрос. Он был блистательно умен, глубоко образован. Образование высшее факультет журналистики. Прекрасно зная и чувствуя русский язык, проникая в его прозаические глубины, извлекая и приближая к нам богатства фольклора, — он приближал говорить на сленге. И жить — нигде. Прого — в России.

«Я с детских лет не умею стоять в строю», — говорил он, «Доминский зловред, Овечь и пиль и есть Спасибо, Баштчев Палата №6». Эта автохарактеристика и автобиография настолько же точна и хороша, как шулка, насколько и серьезна. Традиция, как-никак. А вот весело о вэном — это его, сашка-вэное. Весело... насколько возможно.

Но среди его немногочисленных лирических самоопределений есть формулировка, достойная отдельного большого разговора.

На Второй мировой поэзии

Призван годным и рядовым

Вторая мировая поэзия, которая, рядом с официальной, с завалами никому не нужной печатной дурью. Вторая мировая — снова и снова поднимающаяся, идущая к людям, сжимающая в руках плечу, рвущая сердце и гитарные струны. Вторая мировая поэзия — неизученная, неизданная, невдомая мольба, а для многих единственная.

Ее призыв — добровольный штрафбл. Люди, принимающие на себя вину — за все. Им дана высшая мера любви. Их имена известны... становятся потом. Это люди, носящие в себе невыносимое. А долго ли можно носить невыносимое?..

17 февраля 1988 года не стало Саша Баштчева. Ему было 27, и он ушел сам. Для многих, знавших его, это было страшнейшей неожиданностью и загадкой. Знаем? Сколько измененных вопросов сквозь слезы...

Странно было это слышать. Странно слышать от людей, которые «знали», видели его, разговаривали с ним — и, самое главное, слушали его, слушали его песни. Что же они слышали?..

Его знали всецелью, озорным, забавным, беспечным и бездонным. Иногда он выглядел совсем ребенком. Любил развлечения, игры, на все неожиданное, неизнессное смотрел восторженными глазами, все время ожидал чего-то. «Здоровский!» — говорил он.

Но те, кто знал его ближе, — те не раз видели в тех же лучистых глазах страшное, невыносимое напряжение.

Он не вписывался ни в какое общество, хотя многие «держали его за своего», и знакомых, друзей-приятелей было у него очень много. Многих вводили в заблуждение лукавая улыбка, сияющие глаза и детские вопросы. Его дика и лирична — на выбор — чаще оказывались ближе и понятнее окружающим, чем то, что так очевидно и страшно открывалось, так рвалось наружу в его песнях... «Да наши песни — нам ли выбирать? Сбылось насквозь».

«Я — ВОЛЬ ЯБЛОКА»

«Пока пою, пока дышу, любви меняю колыда. Я на пруди своей ношу три звонких колокольца». «Рокер» с колокольчиками... Светлый орок в кепочке. Лель — безприоритет, бродяга эпохи... Какой эпохи?..

«Сколько лет лопали не кованы, ни одно колесо не мазано. Пленки нет, Сета разворованы. И давно все узлы развязаны... Вак жуем — мамоти с молп-вами. Вак живем — холь шарь нам выколи. Стим да пьем. Сутками и липрами. Не поем. Пель уже от-выкли...» Набор архаизмов врод ли тронул бы наше сознание, если бы не «жет благо!», если бы не была вложена великая энергия боли, если бы не слышал — КАК он это пел.

«...Что ж теперь холм вкрут да около. На своем поле, как подпоясники! Если нам не олити котокот, значит, здесь время колокольников... Запретим, заведем, зашелем! Пробрет до костей, до кончиков. Эй, братки! Чуете печенки прозный смех русских колокольников?..»

Какая это эпоха? А это?

«Как сидит втр в светлом тереме,

В светлом тереме с занавесками,

С яркой лосрой эгэрической

На скамеечке, крылой серебром.

Шийой войлоком,

Рядом с пенькой белой, каменной

Видно жмурится,

Видно шуршит рукой.

На пени его рвань-фудзетка

Приоспобилась

Вспиналась дрян-ушаночка,

Да приспособилась вонь-поряночки

В светлом тереме

С занавесками...»

А это какая эпоха?

«Этот город скользит и меняет названья.

Этот адрес данно кто то тщательно стер.

Этой улицы нет, а на ней нету здания,

Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.

«Лакрированный спирт, он привелив и смазан.

И седельный бат он усюрил для вас.

Покрой падефон, подмились, приказу,

Зойрает илой носулянский вальс.

Бал на все времена. Ах, как сенсиманально.

И пук — ржавый крест спит в золье наших звезд.

И мурлыка вальса так документальна.

Как обманый арест, как бинальный донос.

Как бастанные танцы на каждом допросе.

Как таарин на вышке, дранущий забор.

Абсолютный Вахтер — ни Адольф, ни И.

Доссельдорфский мясник да псковский живодер.

Дополье римы синкопы на прогулке.

Блоды извоков камер и синиги, облив.

Димй плен толстой куклы, рабойкой при обыске.

Бесконечная пауза выжженных глав...»

Эта наша эпоха. Наша. В протый рост. Со всеми

своими корнями и истоками. Это зрение сегодняшне-го дня, напряженное сегодняшнее зрение.

Он писал баллады и псалмы, пасты-стоны и песни-уещения. И во всем этом было удивительное чувство России. Всей сразу. Со всеми ее городами и деревнями, со всеми ее диками, чудовищными пропоз-речиями и невыносимой болью-любовью, с мучительными свидетельствами «нашей редкой силой сер-

МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

денной да дури нашей злой, зиповелной».
 От слова «да неужели не умем мы по-доброму?»
 — до великой веры в бессмертное зерно доверия
 его могучую и светлую силу.

Сада производил влечение человека, которому
 самое большое знание и понимание дано изначально,
 с рождения, — и дальнейшее образование не играло
 особой роли в его жизни. То, что он умел, то, что
 он нес в себе, — образованием не дается.

«Ниль, как волос.
 Жиль, как колос.
 Размолюит колос в дух и прах
 Один цепной удар.
 Да я все знаю, дай мне глоток! —
 И я лобой удар приму, как твой великий дар.
 Тот, кто рубит сам дорожку,
 Не кузнец, не плотник ты,
 Да все одно — поэт.
 Тот, кто лобит — да не к сроку.
 Тот, кто исповедует, да сам то не ведает.» У

него были так называемые «мелкие» песни, он сам
 их так называл. Хотя прекрасно понимал, что песни
 эти... не то, чтобы не смелые... нет, часто смелые
 вскрывали от души... Но эти песни не имеют ни-
 чего общего с общим песенным юмором, юмором
 эстрады. Да и с юмором его друзей-рокеров, обозна-
 чаемым понятным им словом «стеб» —

Любой его песенный сюжет, любая баллада — это
 психологическая драма. Такая песенная драматур-
 гия, как его «Рисовский вальс», «Винош»,
 «Егоркина былина», «Песня о Родине» и многие дру-
 гие вообще не имеют аналогов по уровню психоло-
 гического раскрытия, психологической глубины. Приме-
 чательно кончается «Рождественская песенка»:

«То-то будет хорошо!
 Снегу будет много.
 Спице, дети. Я пошел.
 Скалерно дорога...»
 Эти примечательные нанинются «Покроны шу-
 ты»:

«Смордие — еловье лапы дрызут ми руки —
 Горькой смордой заливают рубку снега.
 Стель шумного бала шуму умирают от скуки
 Под хобот приворных лакевс и влох талача».
 Он многим казался — и был — веселым, радост-
 ным. Естественным. Как яблоко. И все же:

«Без трех минут — бал восковых фигур. Без чет-
 верти — смерть. С семи драмк шкур — шерсти
 клок. Как хочется жить... Не меньше, чем стель.
 Связки мои ниль в узелок... Холодный апрель. Горь-
 чие сны. И вирус, новый ног в крови. И кажется
 цель ближайшей войны. Сметает и ждет любви.»

Можно ли очернить, обозначить в нескольких сло-
 вках порыве, которое изваяно считалось неопредели-
 емым? Судите сами:

«Любовь — режиссер с удивленным лицом,
 Снимающий фильм с безымянным концом,
 А нам все равно так хотелось сморпеть на экран.
 Любовь — это снег и плука стена.

Любовь — это несколько капель вина.
 Любовь — это солнце, которое вилит закат.
 Любовь — это я, это твой Незвасный солдат...»

Хорошо зная, что песни его тревожат, будоражат,
 потрясают людей, Сада знал и понимал их цели-
 тельную силу. Все, что он делал, было проникнуто,
 великой любовью и состраданьем, и серьезной силой
 возводилось в высокую степень утешения.

«Все будет хорошо... Всем асстрам — по любви...»
 «Сестрам» тайне и величии женского сердца,
 посвящены многие его песни. Сестра для него не
 просто слово, и не просто степеня великого родства.
 Сестра — сущность, тождественная самой истине.

Доля, сестра, влоа — это судьба красоты, истины
 и добра, — их реальная жизнь, воплощение и трагедия.
 Обозначение этой трагедии и единственной судьбы,
 которая вечно происходит ей — в балладе «Веч-
 ный пост».

«Завязки мой влас песней на ветру!
 Потюки ей власно на имена!
 Я пойду сморпеть, как твою сестру
 Крог свашь виемму, в три бревна.
 Как везиот в сраме, прижив планком.
 Свияком суди да яри в ремни.
 Но сегодня вечером я такком
 Опазу ей сердце, лежащее с яблони.
 Путь возьмет на зю, да не в квас, а в кровь.
 Кропки приахали на Руси.
 Не суди ты нас! На Руси любовь
 Исток срони воюки ереси.
 Исток фолни черной ереси...»

«Но сердце в ребе да серебро в ветре
 Я узрел, не зря, Я — боть яблока
 Господи, сморди Вишше! На заре
 Доля твоя ведет к долику бька.
 Молнию замолви, благослови!
 Кто бы нас не пас Худм ли, Добром,
 Веньный пост,
 умойся в мой любви!»

«Но с обшину.
 Все небо с обшину.
 Мы празднуем первый гром!»

«По Руси, по миру — Веньный пост...» Лирика
 «Веньный пост» — а так называется весь последний
 поэтический альбом Саши Башлачева — изумительная
 по своему языку.

«...И дар русской речи сберечь» — эти горячие
 слова одной из самых горючих, мучительных и свет-
 лых его песен заключают в себе смысл его жизни.
 Невозможно сказать разном то, что он делал. Но
 если попытаться определить это одним словом, то
 — он расколдовал русский фольклор. Работил его,
 как сплудом красотил. Поворнул и заставил новы-
 ми гранями сверкнуть и засиять покинувшие от
 времени и неупотребления драгоценные слова и
 смыслы. Сомкнул, связал неразрывно эти богатства
 с общечеловеческой, христианской и мировой культу-
 рой.

«Как искали искры в сыром бору.
 Как писали вилки на Рогу.
 Пусть прабудет всякому по нупру,
 Да воздаться каждому по сплуду!»

Поиски — он был хранителем не буквы, а Духа
 высшего закона. Буквой он поворачивал — по праву
 поэта. Майя языка и дар слова — это единствен-
 ное, что он имел, но это бесценно.

«Воя утолована нам кому волюпоно.
 Мне с мою милой рай на шабине.
 Обще мени асше все, что душе угодно.
 Но это только то, что молно душе»

Блестящий ум не может понять и вынести одного
 — неосвобожденности. Но душа всегда неволит вы-
 ход, «...Не верте концы, но не жлите иного раскла-
 да. А что там было в пуги? Мелрды, рубиды... Неваж-
 но, когда семь кругов беспокройного лада Позволяют
 иди, наконец, не касаясь земли...»

Семь кругов Лада... Снова бесконечное «эль» —
 Любовь — засюкает прорасть, подматывает, успе-
 вает «сидеть в облака...» И снова — звучит, звучит,
 звучит Голос:

«Ну, ну... не плачь, не жалей. Кого нам жалеть?
 Вель ты, как и я, сирота. Ну, что ты? Сметай! Нам
 нужно лететь! А ну, от вина! Все, все — от вина!
 ...»

«ПУСТЬ ВРИТ ПЕРУ ЖИЗНЬ КАК ИСТИНА В ЧЕЛОВЕКЕ.»

Его было смелее нелегко. Нанинго болеть серд-
 це. «Какое ощущение, что ты стоишь на твоей элек-
 тричной стел, а уходить не хочешь», — сказано
 однажды о его песнях.

«Опусти мне пречи! Я не помню мотив.
 Если хочешь, сплудами пречи замолно.
 Но объясни — я люблю, опото что болит
 Или это болит, опото что люблю!»

Его нелегко было смелее. А ему невозможно сми-
 риться со страшной «Мелничной» гашей стелю судь-
 бы. С тем, что «музыкант — понрержему слеп, а
 снайпер все также плу».

С горьким озвучиванием того, что «я никогда не смогу
 найти все то, что, наверное, легко украсть».

Человеческая действительность, человеческая реаль-
 ность, в которой он жил, которую он видел («Мы
 строили замок, а выстроили сортир. Ошибка в проек-
 те, но нам как всегда виднее!...»), судьба Виноши
 и душа Егорки «тонзатрасну вся прокопченнаи, на-
 расташку вся заключеннаи», беспощадная «Мелни-
 ца» и общия Великая пель — все это вызвало без-
 мерную боль — до крика, а порой до немолы.

«Ну —
 «Груно в пуги. То там, то тут подпель заносет.
 Мол, пель да туман... Стопной бурьян и нет кон-
 ца»

«Но все вперед. На белом свете есть такое,
 что никогда не снитос нашим подтедам.
 Что никогда не снитос нашим подтедам...
 Есть немало такого на свете. Он увержал это
 каждому своим льданием.

«Все ясное прослутали трагические законы бытия.
 Из их плудин выросли грандиозные тени-призраки.
 Часовой всех времен и Абсолютный Вахтер.
 Не молги объяснил тайну любви и боли. Горный
 шпык, пригноивший беки, — лишь еще одна воз-
 можность прозреть. Страшно? «Страшно. А ты вы-
 ди, сметей, вилди да веселей... Все будет хорошо.»

«Бы меня не шари, срезь ударом конья...» «А
 я долов на длобу длобу...» Это путь и выбор. «Я
 все знаю. Дай мне глоток. И я лобой удар приму
 как твой великий дар.» Это цена.

И вот однажды боль перестает существовать от-
 дельно и теряет собственный смысл. Все это было
 — было нужно для того, чтобы «встать и стоять
 с любовью на равных»

И дар русской речи сберечь...
 И Голос, который рвался раньше в безмерном на-
 пружении, в сплудении претелов и неспособы вдум

начинает звучать спокойно, так спокойно...
 Я знаю, знем иду по земле.

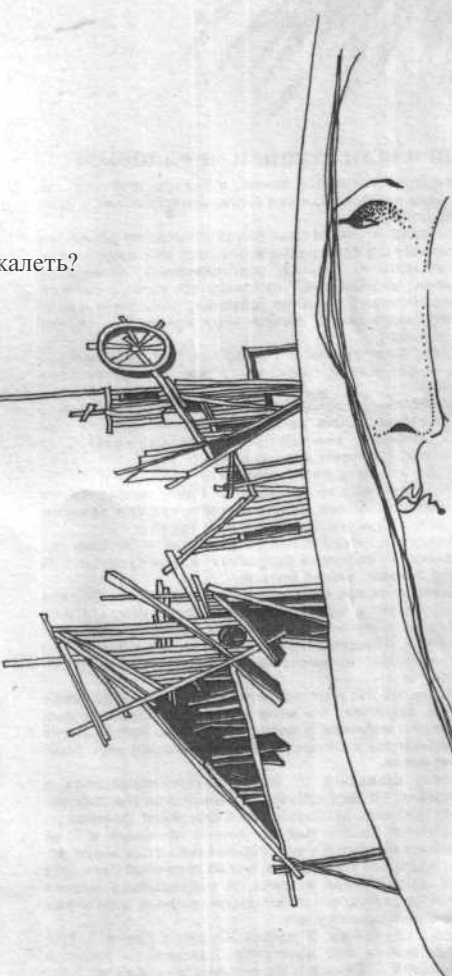
«Мне будет легко улетать.
 Освобождение приходит в слове и в любви,
 минуте-вечности, когда зубы онем лижет майя
 языка...»

«А прижмешь языком молоть — молно
 Молно о том, что все в твоих ручьих
 Пусть будет так, как я люблю.
 Альбом «Веньный пост», последний альбом, в срав-
 нении с более ранними записями поражает полем
 и светом.

В нем наиболее отчетливо и чисто звучит ли-
 рика Саши Башлачева. Лиризм, не имеющий ничего
 общего с ортодоксальной религиозностью, но
 гроша и убеждающая светом истинной духовной
 высоты, знания и сострадания.

Засучи мне, Господи, Рукава
 Потари мне посок на веньный путь.
 Это выношенное, выстраданное, обретенное.
 «Имя имеет» можно смелее и переживать беско-
 нечно, постигая в той степени, в какой постигается
 бесконечность.

«Короткую жизнь — семь кругов беспокройного ла-
 да Позы иду, и уходит от вяс на восьмой». «Не
 плучнее, когда семь кругов беспокройного лада...»

«Все завещано. Путь пройден. Тем, у кого он не
 пройден, — динный им путь — страшно думать о
 том, что это значит. Страшно думать о том, что он,
 этот путь, может быть пройден так быстро.»

«Неважно поверить в это. Мне тоже засилуют
 глаза слезы. Но позволять мне повторить его слова
 «Я бьюсь иду до конца, и не смею кричать им. «Не
 надо...»

«Он хорошо знает цену пройденному пути и своим
 песням.»

«Это цена жизни. Все это отдано — нам.»

**Марина КУЛАКОВА
 (ГОРЬКИЙ)**